Научная статья

УДК 002.2(47+57)(092)
https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-1-7-18

Н. М. Сикорский, А. И. Барсук, И. Е. Баренбаум и становление отечественного теоретического книговедения позднесоветского периода

Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев

Эльяшевич Дмитрий Аркадьевич,

Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Дворцовая наб., 2, Санкт-Петербург, 191186, Россия,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалогии и литературы

ORCID: *0000-0003-0197-6278*
e-mail: *dmitry@elyashevich.ru*

Мутьев Виктор Алексеевич,

Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Дворцовая наб., 2, Санкт-Петербург, 191186, Россия,
кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной и творческой работе, доцент кафедры медиалогии и литературы

ORCID: *0000-0001-5072-4515*
e-mail: *victor.mutyev@gmail.com*

Аннотация. Авторы представили результаты исследования научного наследия советских книговедов Н. М. Сикорского, А. И. Барсука, И. Е. Баренбаума, проанализировали и охарактеризовали вклад каждого из них в становление и развитие функционального подхода в книговедении. В статье идентифицированы и раскрыты некоторые методологические проблемы функционального подхода: замкнутость исключительно в системе вузовской науки, обособленность от международного научного дискурса, наличие интеллектуального влияния идеологизированных работ 1920–1930-х гг. (Н. Я. Марра, И. В. Новосадского, П. Н. Беркова), избыточное внимание к комплексности как ключевой характеристике книговедения, нерешенность вопроса научных методов книговедческих исследований. Мы выделили позитивные и перспективные направления разработок функциональной школы – реактуализацию творческого наследия А. М. Ловягина и М. Н. Куфаева, инкорпорацию читателя и чтения в систему научных проблем книговедения, признание коммуникационной сущности науки о книге и социодинамики книжного процесса. В заключении авторы обосновывают тезис об эклектичности и противоречивости позднесоветского теоретического книговедения и вместе с тем его эвристической ценности как с точки зрения обеспечения концептуальной преемственности развития науки о книге в нашей стране, так и в контексте плодотворной академической дискуссии, развернувшейся в профессиональной печати в 1970–1980 гг.

Ключевые слова: книговедение, советское книговедение, теория и методология книговедения, научные школы книговедения, функциональный подход, персоналии

Для цитирования: Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Н. М. Сикорский, А. И. Барсук, И. Е. Баренбаум и становление отечественного теоретического книговедения позднесоветского периода // Библиосфера. 2025. № 1. С. 7–18. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-1-7-18

Статья поступила в редакцию 09.10.2024
Получена после доработки 04.02.2025
Принята для публикации 10.02.2025

© Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев, 2025

N. M. Sikorsky, A. I. Barsuk, I. E. Barenbaum and the Evolvement of Russian Theoretical Book Studies in the Late Soviet Period

Dmitry A. Elyashevich, Viktor A. Mutev

Elyashevich Dmitry Arkadievich,
Saint-Petersburg State Institute of Culture,
2-4 Dvortsovaja naberezhnaja, Saint-Petersburg, 191186, Russia,
Doctor of Historical Sciences,
Head of the Medialogy and Literature Department

ORCID: *0000-0003-0197-6278*
e-mail: *dmitry@elyashevich.ru*

Mutev Viktor Alekseevich,
Saint-Petersburg State Institute of Culture,
Dvortsovaja naberezhnaja, 2-4 Saint-Petersburg, 191186, Russia,
Candidate of pedagogic sciences,
vice-rector for scientific and creative activities,
associate professor of the medialogy and literature department

ORCID: *0000-0001-5072-4515*
e-mail: *victor.mutyev@gmail.com*

Received 09.10.2024
Revised 04.02.2025
Accepted 10.02.2025

Abstract. The article presents the results of the study of the scientific heritage of Soviet bibliologists N. M. Sikorsky, A. I. Barsuk, I. E. Barenbaum. The authors analyze and characterize the contribution of each of them to the formation and development of the functional approach in book science. The article identifies and discloses some methodological problems of the functional approach: isolation exclusively in the system of university science, isolation from the international scientific discourse, the presence of intellectual influence of ideologized works of the 1920–1930s (N. Ya. Marr, I. V. Novosadsky, P. N. Berkov), excessive attention to complexity as a key characteristic of the book science, the unresolved issue of scientific methods of bibliological research. It highlights positive and promising areas of development of the functional school– reactualization of the creative heritage of A. M. Lovyagin and M. N. Kufaev, incorporation of the reader and reading into the system of scientific problems of book science, recognition of the communicative essence of book science and the sociodynamics of the book process. In conclusion, the authors substantiate the thesis, that the eclecticism and contradictory nature of late Soviet theoretical book studies and, at the same time, its heuristic value both from the point of view of ensuring the conceptual continuity of the development of book science in our country and in the context of the fruitful academic discussion unfolded in the professional press in the 1970–1980s.

Keywords: book studies, soviet book science, theory and methodology of book science, scientific schools of book science, functional approach, personalities.

Citation: Elyashevich D. A., Mutev V. A. N. M. Sikorsky, A. I. Barsuk, I. E. Barenbaum and the Evolvement of Russian Theoretical Book Studies in the Late Soviet Period. Bibliosphere. 2025. № 1. P. 7–18. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-1-7-18

Введение

В 2018 и 2021 гг. отмечались 100-летние юбилеи со дня рождения известных советских и российских книговедов второй половины XX в. – Абрама Ильича Барсука (1918–1984), Николая Михайловича Сикорского (1921–1997) и Иосифа Евсеевича Баренбаума (1921–2006). В связи с юбилеем И. Е. Баренбаума был опубликован солидный том его избранных теоретических работ (Баренбаум, 2023), вышло несколько статей, анализирующих взгляды ученого (Базанов, 2021; Эльяшевич, 2020; Эльяшевич, Иконникова, 2024). Юбилей же А. И. Барсука, к сожалению, прошел практически незамеченным научной общественностью, хотя роль этого исследователя в развитии отечественной науки о книге ничуть не меньше, а может быть, и больше роли И. Е. Баренбаума (Баренбаум, 1989; Фокеев, 1998). Ныне почти забытыми являются и научные взгляды Н. М. Сикорского – одной из наиболее ярких и заметных фигур отечественного книговедения (Бакун, 2008, 2019). Однако было бы ошибкой считать, что академическое наследие Н. М. Сикорского, И. Е. Баренбаума и в особенности А. И. Барсука на настоящий момент полностью освоено. Несомненно, их вклад в разработку теории науки о книге нуждается в дальнейшем исследовании, в том числе диссертационном. Одновременно должны быть изучены и общие причины, способствовавшие расцвету теоретического книговедения на излете советской эпохи.

В статье мы анализируем основные труды, ключевые концепции и методологические подходы, разработанные и введенные в советский книговедческий дискурс 1960–1980-х гг., а также определяем пути и узловые моменты их будущего многоаспектного исследования.

«Серебряный век» отечественного книговедения: бурный рост и его пределы

1920-е и начало 1930-х гг. – время, ознаменовавшееся выходом в свет концептуальных работ А. М. Ловягина, М. Н. Куфаева, А. Г. Фомина, активной деятельностью библиологических институтов и кружков, становлением специализированных учебных курсов – по праву можно считать «золотым веком» российской

книговедческой мысли (Баренбаум, 2023, с. 6; Мутьев, Тургаев, 2024, с. 172). На хрущевско-брежневскую эпоху пришлось возрождение и бурное развитие теории книговедческой науки, поэтому по аналогии с литературоведческой традицией этот период уместно именовать «серебряным веком» книговедения. Именно тогда зародились и довольно быстро приобрели стройные очертания две школы книговедения: функциональная, или ленинградская, созданная трудами А. И. Барсука, И. Е. Баренбаума и отчасти Н. М. Сикорского; и системно-типологическая, или московская, являвшаяся детищем А. А. Беловицкой (1939–2023). В связи с этим важно отметить две общие особенности. Во-первых, обе они были вузовскими, возникшими в преподавательской среде (Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской и Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова). Характерно, что книговедческие подразделения крупнейших библиотек никакого участия в разработке теории науки о книге фактически не принимали и были очень далеки от баталий, происходивших в этой сфере (Баренбаум, 2023, с. 282–292; Обсуждение…, 1965; Сикорский, 1979, с. 80–102). Во-вторых, развитие теоретического книговедения шло одновременно и параллельно с мощным подъемом теоретизирования в области библиографоведения и библиотековедения, причем такой параллелизм характеризовался как коллаборацией (иногда), так и соперничеством (чаще). Обе эти особенности, на наш взгляд, имели далеко идущие последствия для книговедческой теории.

Вузовский характер науки о книге (по крайней мере, теоретического ее раздела), привел в конечном итоге к появлению своего рода «вещи в себе», теории, оторванной от исторической практики книжного дела, самоценной сущности. Эту теорию было удобно преподавать, но невозможно (или почти невозможно) применить ни к историческим исследованиям, ни к попыткам осознать и объяснить процессы, протекавшие в современных на тот момент книгоиздании и книжной торговле. Кроме того, эту теорию нельзя было соотнести с международным научным дискурсом в области социально-гуманитарных наук, в том числе в таких его аспектах, как коммуникационный, социологический, технологический, вспомогательно-исторический, включающих в объект и предмет своих исследовательских задач проблемы, связанные с авторской деятельностью, текст-опосредованным взаимодействием социальных акторов, медиатизацией культурных практик, производством и потреблением многообразных книжных форм. Подобного рода исследования получили широкое распространение во второй половине XX в. (Маклюэн, 2007; Eisenstein, 1979), то есть хронологически развивались параллельно со становлением взглядов Н. М. Сикорского, А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума.

Необходимо признать, что теория этих ученых была глубоко укоренена в советской действительности и практически не использовала материалы, интенсивно генерировавшиеся в рамках современной им международной научной повестки. Исключение составляли исследования, проводимые учеными из стран Варшавского договора, значительно реже – немецкими и французскими специалистами. Однако это исключение было скорее номинальным и заключалось в простом перечислении или упоминании факта наличия работ, а не в их осмыслении, адаптации и инкорпорации в предметное поле советского книговедения. Такое положение дел сохранялось вплоть до серии переводов, предпринятых Е. Л. Немировским (1925–2020) (Мигонь, 1991; Проблемы общей…, 1978; Червинский, Зберский, 1981). В этой связи становится понятен посыл инициатора этих переводов о том, что знакомство российского читателя с трудами зарубежных коллег «позволит преодолеть изоляционизм, ставший уже привычным для нашего книговедения» (Мигонь, 1991, с. 5).

Обособленность отечественного книговедения позднесоветского периода стала одной из причин дальнейшей автономизации научного знания и, как следствие, – сначала превращения книговедения в мифологическую систему (подобно яфетической теории Н. Я. Марра (1865–1934), сыгравшей значимую роль в становлении функциональной книговедческой концепции), затем его подмены документологией и, наконец, практически полного исчезновения как корпуса новых гипотез, концепций, текстов, так и самих исследователей-книговедов. Предметное поле теоретического книговедения оказалось размытым и потребовало кардинального переосмысления, метафорически говоря, – поиска «жизни после смерти» (Эльяшевич, 2018).

Кроме того, если в случае с Н. М. Сикорским, А. И. Барсуком и И. Е. Баренбаумом еще можно было предполагать наличие некоего фундамента для теоретических книговедческих построений (изучение истории литературы и развития демократической печати в России и Франции, участие в дискуссиях о сущности библиографии, не говоря уже об опоре на богатые научные традиции 1920–1930-х гг.), то московская школа в качестве такового фундамента, по существу, использовала лишь диалектический материализм в его вульгарной марксистско-ленинской трактовке. Закономерным результатом подобного положения

вещей стало то, что если ленинградские ученые, занимавшиеся серьезными историко-книжными исследованиями, хотя бы формально причисляли себя к функциональной школе Н. М. Сикорского, А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума (И. А. Шомракова (1932–2022), А. В. Блюм (1933–2011) и их ученики), то московские историки книги никакого отношения к учению А. А. Беловицкой не имели и никоим образом не отождествляли себя с ним.

Не менее чем педагогическая направленность позднесоветского теоретического книговедения важен фактор исторического контекста и той внутринаучной ситуации, на фоне которых оно начало активно развиваться. Рубеж 1960–1970-х гг., несомненно, стал переломным для всей библиотечной науки. С одной стороны, в ней еще продолжали активно трудиться такие мэтры, как С. А. Рейсер (1905–1989), Б. Я. Бухштаб (1904–1985), М. А. Брискман (1904–1975), А. Д. Эйхенгольц (1897–1970), М. П. Бронштейн (1902–1976) и некоторые другие, однако они почти не занимались теорией; в этой связи можно вспомнить разве что их участие в дискуссиях 60-х гг. о сущности и особенностях библиографии и подготовку учебника «Библиография. Общий курс» (1969). Отличительной особенностью этой когорты ученых было то, что в библиотечный мир они пришли извне и имели за плечами основательное историко-филологическое образование. Если же говорить непосредственно о книговедении, то после ухода В. С. Люблинского (1903–1968) – автора одних из лучших книговедческих текстов на русском языке «Ранняя книга как ступень в развитии информации» и «Подвиг Гутенберга» (Люблинский, 1972) – оно было представлено А. А. Сидоровым (1891–1978), Н. М. Сикорским и несколькими другими учеными (С. П. Луппов (1910–1988), Н. В. Варбанец (1916–1987) и др.). За исключением Н. М. Сикорского, все они тоже были носителями традиций старшего поколения, предпочитавшего заниматься историческими изысканиями, а не теоретическими штудиями.

Научная деятельность всех названных исследователей неизменно протекала в двух мирах: библиотечном и общегуманитарном. Принадлежность ко второму, как можно предположить, гарантировала предельную осторожность и умеренность в теоретических построениях и не позволяла замыкаться на узкопрофессиональных, по большей части прикладных библиотечных проблемах. Однако именно на рубеже 1960–1970-х гг. в библиотечно-информационной науке произошла смена поколений. На место «стариков» пришли «молодые». И хотя возраст некоторых из них не сильно отличался от возраста предшественников, это поколение было новым, прежде всего, в качественном отношении.

Комплексный (?) характер книговедения и обособление библиографоведения

Феномен параллельного бурного развития книговедения и строительства теории библиографоведения и библиотековедения 1970–1980-х гг. чрезвычайно интересен и нуждается в самостоятельном исследовании – не только историографическом, но и психологическом. Здесь лишь отметим, что наряду с несомненными достижениями безудержное конструирование библиотечных наук привело и к целому ряду очень серьезных, фундаментальных проблем, многие из которых дают о себе знать вплоть до настоящего момента. К их числу мы можем отнести, в первую очередь, замкнутость, герметичность позднесоветской теории книговедения, библиографоведения и библиотековедения. Такая обособленность в конечном итоге вытолкнула библиотечные дисциплины – и, прежде всего, их теоретические разделы – из большой науки на далекую обочину гуманитарного знания, а в более отдаленной перспективе привела и к банальному шарлатанству («бергенсоны», «славянская руника» и проч.) (Эльяшевич, 2018, 2021). К тому же безостановочное теоретизирование, в большинстве случаев очень слабо связанное с практикой книжного и библиотечно-библиографического дела, резко контрастировало с общемировой практикой, в которой ничего подобного не наблюдалось и не наблюдается по сию пору. В 2004 г. Е. Мацевичюте и О. Янонис отмечали, что «теории библиографии, подобной российской <…>, в западном мире не существует» (Maceviciute, Janonis, 2004, p. 39). Это утверждение вполне применимо не только к библиографоведению, но и к отечественным библиотековедению и книговедению рассматриваемого нами периода. Е. Мацевичюте и О. Янонис обозначили отдельные эвристически ценные находки российских библиографоведов, подчеркнув системность подходов некоторых из них (например, О. П. Коршунова), а также определенный научный интерес многих из рассмотренных текстов. Вместе с тем они отмечали, что анализ этих текстов требует приложения серьезных усилий для интерпретации и тем более установления междисциплинарных отношений, референций и интертекстуальных научных связей, во многом являющихся фундаментом современных гуманитарных разработок и постнеклассического этапа развития научного знания в целом (Maceviciute, Janonis, 2004). Доказательством этому утверждению может служить практически полное отсутствие ссылок на отечественные исследования в области книговедения, библиотековедения и библиографоведения как за строго очерченными институциональными и предметными рамками самих этих научных

областей, так и за пределами языковых и территориальных границ, в которых находились ученые. Некоторым исключением из этого правила может считаться разве что пространство СНГ, а также академическая среда, в формировании которой принимали и принимают то или иное участие выходцы из СССР (США, Германия, Израиль). Однако это пространство развивается скорее инерционно, а не эволюционно.

Не подлежит сомнению тот факт, что теоретико-книговедческая конструкция, построенная Н. М. Сикорским, А. И. Барсуком и И. Е. Баренбаумом, в значительной мере лежала в русле развития позднесоветской «библиотечной» науки и впитала в себя большую часть ее черт и особенностей. Собственно, в условиях централизованного управления гуманитаристикой, существовавших в СССР, иначе и быть не могло. Погруженность позднесоветского книговедения в библиотечную среду была предопределена формулой «книговедение – комплексная общественная наука о книге и книжном деле», выдвинутой А. А. Сидоровым и Н. М. Сикорским и остававшейся непререкаемой догмой вплоть до второй половины 70-х гг. XX в. (Сидоров, 1972, с. 115; Сикорский, 1979, с. 67). Эта формула предполагала включение наук о библиографии и библиотечном деле в состав книговедения. А. И. Барсук, и И. Е. Баренбаум искренне поддерживали такую точку зрения и посвятили ей множество своих публикаций. Еще в 1964 г., выступая на известной книговедческой дискуссии в Москве, молодой И. Е. Баренбаум отмечал: «Не правы <…> те, кто стремится вывести за пределы книговедения библиотечную науку. Библиотековедение и библиография являются важнейшими интегральными частями книговедения» (Обсуждение…, 1965, с. 285). Время показало, что такое инкорпорирование было глубоко порочной идеей, поскольку предполагало попытку объединить в единую систему совершенно разнопорядковые явления: книговедение как общегуманитарную, преимущественно историческую науку и библиографоведение с библиотековедением – дисциплины прикладные, ориентированные главным образом на практику. Вместе с тем на момент утверждения идеи комплексности она играла и положительную роль, заключавшуюся в заметной активизации теоретических библиографоведческих и библиотековедческих исследований и возникновении своего рода духа состязательности. Однако как только теория этих областей знания приняла стройные очертания, ее адепты не преминули вполне обоснованно заявить о своей самостоятельности и обособленности. Вероятно, именно с этого момента и начался постепенно нараставший кризис советского теоретического книговедения, через 30 лет закончившийся «документологическим» небытием. Связано это было, скорее всего, с тем, что, потеряв в профессиональном сообществе статус комплексности, и не найдя, в полном согласии с созданной своими руками теоретико-методологической конструкцией, выхода в общегуманитарное пространство, другими словами, не сумев актуализировать объект и предмет науки о книге, представители позднесоветской школы лишили книговедение права на преемственность. Существовавшие научные школы оказались в стагнации, что в значительной степени было правомерно не только для книговедения, но и для библиографоведения, в котором после фундаментальных, хотя и во многом дискуссионных работ 1990-х гг. (Вохрышева, 1993; Сляднева, 1993; Фокеев, 1995), наступила многолетняя, продолжающаяся и по сей день пауза, а также для библиотековедения, теория которого все же продолжала развиваться, но главным образом усилиями тех мэтров, которые стояли у истоков ее формирования еще в начале 1970-х гг. При этом методологические разделы библиотековедения оказались в существенно лучшем положении. Они уверенно продемонстрировали свою жизнеспособность, доказательством чему стало появление в 2000–2010-х гг. ряда знаковых публикаций, как обобщающих различные практики научно-исследовательской работы, так и непосредственно ориентированных на систематизацию и подробную характеристику методологического инструментария современной библиотечной науки (Варганова, 2018; Лаврик, Калюжная, 2022; Редькина, 2016).

Концептуальный компромисс и избыточная практико-ориентированность

Н. М. Сикорский вместе с Е. Л. Немировским в 1974 г. выдвинули идею, ориентированную на некоторое смягчение положения о комплексном характере книговедения, в том числе ввиду активного формирования дисциплинарных границ библиотековедения и библиографоведения: «Наряду с общей комплексной наукой, – писали они, – <…> должны развиваться отдельные научные дисциплины книговедческого цикла. Их взаимодействия с общей наукой, пользуясь терминологией теории множеств, следует представить не как “включение” или “объединение”, а как “пересечение”» (Сикорский, 1979, с. 93). Такой ракурс рассмотрения научной проблемы позволил определить перспективу для формирования концепции пересекающихся наук, предполагающей как наличие универсальных, общих законов для всех этих наук, так и частных закономерностей, присущих лишь некоторым из них. Идею о том, что «перекрестное исследование методов различных дисциплин можно только приветствовать» (Сикорский, 1979, с. 94), следует

рассматривать в качестве позитивного движения в сторону междисциплинарности как методологического принципа, особенно с учетом того, что в подобной трактовке эта проблема изначально артикулирована не была. Однако в явном виде утверждение, в соответствии с которым «взаимопроникновение наук, использование методов одной из них другими – знамение времени», было сформулировано Е. Л. Немировским лишь семь лет спустя (Червинский, 1981, с. 6).

Еще одним априорным постулатом, выдвинутым А. А. Сидоровым и Н. М. Сикорским в 60-е гг., было утверждение о том, что книговедение – это наука, которая не только способна, но и должна управлять развитием советского книжного дела: в круг ее задач входит разработка эффективных методов издательской работы, изучение экономических показателей деятельности издающих организаций, планирование развития сети книжных магазинов и т. д. Иными словами, объект книговедения в рамках идеи комплексности дополнялся специфическими вопросами менеджмента издательской, полиграфической, книготорговой и библиотечной деятельности. Результатом этих и подобных рассуждений стал проект книговедения как своего рода метанауки, посвященной самым разным вещам – от истории письма и книги в Древнем Египте до книготорговых точек в Магаданской области – и в силу этого изначально нежизнеспособной и не обеспеченной ни источниками, ни научными кадрами. Впрочем, анализ содержания сборника «Книга. Исследования и материалы» показывает, что, если до начала 70-х гг. советские книговеды в своих публикациях еще пытались придерживаться концепта гипертрофированной комплексности, то в последующее время эти попытки постепенно сошли на нет (Книга…, 2014).

С некоторой долей осторожности следует признать, что идея включения в объект книговедения проблем прикладного менеджмента встретила у А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума меньше сочувствия, чем поглощение наукой о книге библиографоведения и библиотековедения. Однако и каких-либо возражений против этой идеи они открыто не выдвигали. Проблему комплексности ученые довольно рано, еще во второй половине 60-х гг., начали разрабатывать на свой лад. Одной из их основных заслуг следует считать реинтеграцию в проблемное поле теоретического книговедения богатого, хотя и очень пестрого и неоднородного наследия отечественной науки о книге 20–30-х гг. Кроме того, А. И. Барсук, а вслед за ним и И. Е. Баренбаум в концепцию А. А. Сидорова и Н. М. Сикорского привнесли идею функционального подхода, предполагающего (лишь на теоретическом уровне) рассмотрение явлений книжного мира с позиции читателя, и предприняли попытку разработки собственно книговедческого читателеведения, коренным образом отличающегося от трактовки этой дисциплины в науке о библиотечном деле. Кажущееся на первый взгляд неестественным соединение идей М. Н. Куфаева (1888–1948) с постулатами П. Н. Беркова (1896–1969) и И. В. Новосадского (1907–1941) легло в конечном итоге в фундамент ленинградской (функциональной) школы книговедения.

Становление, развитие, а впоследствии и стагнация функционального подхода заслуживают особого обсуждения, поскольку он является базисом всех теоретических построений Н. М. Сикорского, А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума и возвышающихся над ним разного рода ситуативных надстроек.

Истоки функционального подхода и «общественный характер книги»

Корни функционального подхода обнаруживаются в трудах «советских книговедов 30-х годов (П. Н. Беркова, И. В. Новосадского и др.)» (Баренбаум, 1989, с. 136); кроме того, они напрямую связаны с именем Н. Я. Марра и его яфетической теорией (Гучинский, 2000). Это обстоятельство требует самого пристального внимания, так как именно в нем, с нашей точки зрения, изначально были заложены пределы функциональной концепции, положения, предопределившие ее успешность и своевременность в советский период и невозможность эволюции без кардинального пересмотра ее основных постулатов в более современную цифросетевую эру.

В докладе 1926 г. Н. Я. Марр, рассуждая о происхождении терминов «книга» и «письмо», применил к ним положения так называемого яфетического языкознания и констатировал, что значения этих терминов «возникали по функции, по общественному назначению или обслуживанию определенной хозяйственно-общественной потребности» (Марр, 1934, с. 224). Как позднее осторожно отмечали исследователи, «для Марра <…> общественность (социум) является творческой организующей силой» (Калинина, 2011, с. 110), однако эта сила рассматривалась им, в первую очередь, как инструмент классовой борьбы, в которой естественным образом одно из ведущих мест отводится языку (как устному, так и письменному) и средствам его трансляции в различных коммуникационных каналах.

Адаптируя положения Н. Я. Марра к задачам книговедческих исследований, И. В. Новосадский акцентировал внимание на «общественном характере книги как идеологического явления» (Новосадский, 1931, с. 20), что позволяет с большой долей условности относить его тексты не к категории научного знания,

а в первую очередь к области идеологической работы. Однако при ретроспективном взгляде становится очевидным, что использование А. И. Барсуком и И. Е. Баренбаумом такого рода идеологических кунштюков в качестве методологической базы для построения новой функциональной концепции было компромиссным решением, призванным обезопасить книговедение от возможной обструкции, подобной той, которая была инициирована в печати самим И. В. Новосадским в 1930-е гг.

В своих выступлениях и публикациях И. В. Новосадский последовательно разделял отечественные книговедческие теории на две большие группы – механистические (М. И. Щелкунов (1884–1938), А. М. Ловягин (1870–1925), Н. М. Сомов (1867–1951) и др.) и идеалистические (Н. М. Лисовский (1854–1920), М. Н. Куфаев, Н. А. Рубакин (1862–1946)), характеризуя, впрочем, и те и другие как не соответствующие задачам советского книговедения (Леликова, 2004, с. 297–300). Основной же «недостаток современного книговедения заключается в непонимании общественного характера книги и, следовательно, непонимании ее классовой сущности» (Новосадский, 1931, с. 25). Этот тезис в 60–70-е гг. предопределил необходимость разработки такой книговедческой теории, которая сможет «проплыть» между Сциллой механистичности и Харибдой идеализма в публичном научном пространстве советской реальности. Сразу оговоримся, что И. Е. Баренбаум позволял себе некоторые вольности и сначала осторожно (Баренбаум, 1973), а затем более явственно (Куфаев, 1981) возвращал имя М. Н. Куфаева и его творческое наследие в научный оборот. В этом мы видим одну из важнейших его заслуг, которая на некотором временном отдалении приобретает сущностно значимые очертания: она позволяет говорить о функциональном подходе как о своеобразном историко-книговедческом медиаторе между дискуссиями и теориями 1920-х гг. (Куфаев, 1981, Ловягин, 1926) и зарождающимися академическими подходами 2010–2020-х гг. (Козлов, Лизунова, 2024; Мутьев, Тургаев, 2024; Эльяшевич, 2018).

Гипертрофированное внимание к общественному характеру книги стало одной из причин неустанного обращения Н. М. Сикорского, А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума к функциям и социальному предназначению книжного дела и в конечном счете привело к негибкости самого функционального подхода как такового. С другой стороны, само по себе внимание к социальной проблематике в русле книговедческих задач создало предпосылки для разработки наиболее ценного и, возможно, наиболее успешного раздела функциональной концепции – истории читателя и чтения (Эльяшевич, 2018, 2024; Эльяшевич, Мутьев, 2021, 2022). Важно подчеркнуть при этом, что интерес к читателеведческой проблематике совершенно не был характерен для всех других направлений книговедения позднесоветского периода.

Читатель и чтение в системе книговедческого знания

Один из ведущих отечественных исследователей книги Е. Л. Немировский заявлял, что при подготовке к печати переводов работ польских книговедов М. Червинского (1924–2001) и Т. Зберского (1923–1987) принял решение «опустить в русском переводе» разделы оригинальных авторских рукописей, посвященные теории чтения, читательской аудитории, книжным хобби и обычаям как не соответствующие «избранной <…> теме – семиотике книги» (Червинский, 1981, с. 5). В этом, вероятно, и состояла методологическая позиция Е. Л. Немировского – изучать сложные знаковые системы и проблемы конструирования значений без непосредственного обращения к реципиенту книжных коммуникаций. Такая постановка вопроса представляется возможной только при понимании коммуникации как субъект-объектного процесса, в котором читатель и общество (в терминологии М. Н. Куфаева – «читающая среда» (Мутьев и др., 2024, с. 152)) выступают исключительно в роли объекта влияния со стороны книгоиздательской системы, а значения, формируемые этой системой, полностью отождествляются со значениями, воспринимаемыми читателями. Очевидно, что подобная модель медиапотребления может быть реализована лишь в абсолютном информационном вакууме, обеспечивающем тотальность воздействия на адресата, и вновь отсылает нас к пропагандистско-инструментальному подходу к книговедению, проявившемуся в публикациях Н. Я. Марра, И. В. Новосадского и П. Н. Беркова. Это еще раз доказывает наличие идеологического влияния этих крайне спорных работ на все интеллектуальное пространство позднесоветского книговедения.

Другой причиной исключения проблем, связанных с читательскими практиками, из сферы книговедческих задач была присущая многим ведущим советским книговедам (Н. М. Сикорский, Е. Л. Немировский, А. А. Беловицкая и др.) точка зрения, что чтение является предметом изучения в других научных дисциплинах – от библиотековедения до социологии культуры. «Необходимо комплексно изучать различные формы и методы ее (информации. – *прим. авт.*) регистрации, рассматривая их с точки зрения потенциального потребителя. А значит, и проблема чтения шире традиционного круга

вопросов, интересующих комплексную книговедческую науку. Социология чтения является частью общей социологии культуры», – указывал Н. М. Сикорский (Сикорский, 1979, с. 91). Помимо того что обоснованность этого утверждения крайне спорна, оно еще непосредственно свидетельствует и о наличии существенных расхождений между взглядами Н. М. Сикорского и И. Е. Баренбаума.

Отметим вместе с тем, что в работах Н. М. Сикорского все же обнаруживается некоторое внимание к читателю и чтению, однако фокус этого интереса достаточно специфичен и читателеведческим его назвать, конечно, нельзя. Так, Н. М. Сикорский поднимает вопрос об «изучении читательского спроса», но в плане практическом и экономическом, исключительно в контексте определения «рациональных методов организации книжной торговли» (Сикорский, 1979, с. 55). Иными словами, речь идет о том, что никакой самостоятельностью в системе книговедческого исследования читатель не обладает.

Определенную иллюзию относительно близости функционального подхода Н. М. Сикорского и А. И. Барсука с И. Е. Баренбаумом в части, касающейся читательской деятельности, способно породить также следующее утверждение Н. М. Сикорского: «все (книговедческие. – *прим. авт.*) дисциплины роднит общность функционального подхода к произведениям письменности и печати, необходимость знания интересов, нужд и потребностей читателя» (Сикорский, 1979, с. 67). Однако совершенно очевидно, что Н. М. Сикорский уделял внимание проблеме чтения не в гуманитарном и не в методологическом аспекте, а исключительно в плане социального администрирования. Именно поэтому у него «книговедение может рассматриваться как институт управления сложной системой “печать в обществе”» (Сикорский, 1979, с. 68), а «исследования должны способствовать оптимизации различных отраслей книжного дела» (Ермолаева, 2019, с. 334). Вне управленческого контекста чтение как научная проблема Н. М. Сикорскому мало интересна, поэтому и разработку «научных методов исследования различных категорий советского читателя» он относит к «области библиотечного дела», а не книговедения (Сикорский, 1979, с. 76). Отметим, что утверждение о принципиальной возможности обоснования научных методов в рамках библиотечной практики представляется сегодня как минимум дискуссионным.

В целом теоретическая позиция Н. М. Сикорского (как, впрочем, и И. Е. Баренбаума, и А. И. Барсука) довольно противоречива. Уделяя повышенное внимание выработке оптимальной структуры выпуска печатной продукции (Ермолаева, 2019, с. 336), – что, с нашей точки зрения, имеет очень отдаленную связь с академическими книговедческими задачами, – ученый одновременно воспринимал в качестве позитивного фактора объединение книговедов под эгидой Научного совета Академии наук СССР по истории культуры. Очевидная несхожесть и разнокалиберность этих понятий, фактически совмещающих в одном предметном поле задачи экономического планирования (менеджмента) и фундаментальный историко-культурный подход, осталась за пределами воззрений Н. М. Сикорского.

Параллельно с вполне утилитарным отношением к изучению читателя и чтения Н. М. Сикорский ставил и очень серьезные научные задачи, полагая, что «надо выявить объективные законы развития книжного дела и механизм их действия в конкретно исторических условиях» (Ермолаева, 2019, с. 339–340), а также уделить должное внимание социальной роли книжного дела и месту книги в системе массовых коммуникаций. Подобная эклектичность (или соединение несоединимого, вопросов управления практикой книжного дела и фундаментальных научных проблем) выступала отличительной чертой практически всех книговедческих работ позднесоветского периода и имела разнообразные проявления. Так, например, в публикациях И. Е. Баренбаума абсолютизация функционального метода соседствует с положением о необходимости внедрения методов «информатики, науковедения, социологии культуры и печати» (Баренбаум, 2023, с. 42) в книговедческие исследования и «мантрой» о многометодности книговедения, которая, впрочем, так и не нашла своего полноценного отражения на страницах его историко-книжных работ.

Научные методы – гордиев узел функционального (и не только) подхода

Проблема метода в позднесоветском книговедении также нуждается в самостоятельном рассмотрении. Известная попытка И. Е. Баренбаума, В. С. Крейденко и В. П. Леонова классифицировать и представить в качестве единой модели совокупность общенаучных и специальных методов книговедения, библиотековедения, библиографоведения и информатики (Баренбаум и др., 1982) является в хорошем смысле беспрецедентной и на настоящий момент не имеет своих полноценных аналогов, однако позиция этих трех авторов вызывает ряд вопросов, ответы на которые еще только предстоит получить.

Ситуация с общенаучными методами представляется относительно прозрачной: метатеоретический анализ, сравнительно-исторический и наукометрические методы, контент-анализ, моделирование действительно

активно используются всеми обозначенными науками и легко идентифицируются на страницах авторефератов диссертаций и научных журналов. В отличие от специальных методов научного исследования. В одних случаях в качестве метода И. Е. Баренбаумом, В. С. Крейденко и В. П. Леоновым предлагается функциональный подход, в других – в качестве специальных выделяются модифицированные версии универсального неформализованного анализа документов (анализ читательских формуляров) или слабо алгоритмизированные процедуры, имеющие отдаленное отношение к понятию научного метода как такового (например, раскрытие содержания документов). Наряду со специальными методами научного исследования в единую модель включается методика практической деятельности, что представляется вопросом дискуссионным. Следует признать, что заявляемые авторами методы практической библиотечно-информационной деятельности – это, по существу, – комплекс методик разной степени проработанности, формализации и конвенциональности, что делает задачу их включения в единую модель и классификацию общенаучных и специальных методов чрезвычайно сложной и, позволим себе сказать полемично, вряд ли целесообразной.

Методологические трудности функционального подхода неразрывно связаны с малоподвижностью всей теоретической конструкции, которая, сформировавшись в начале 1970-х гг., просуществовала фактически в неизменном виде вплоть до 2000-х гг. Более того, деликатные попытки расширить традиционные книговедческие представления, предпринятые, например, в докладе И. В. Бестужева-Лады и вызвавшие интерес Н. М. Сикорского (Ермолаева, 2019, с. 337–338), или включение в рамках семиотического подхода, пропагандировавшегося Е. Л. Немировским (Червинский, 1981, с. 3–8), других (неклассических) форм коммуникации в книговедческий дискурс, а также новые протоцифровые реалии 1990-х гг. так и не смогли убедить И. Е. Баренбаума в необходимости модификации ранее выдвинутых им положений. Кроме того, замкнутость функционального подхода на самое себя стала препятствием для установления и развития междисциплинарных связей, которые на практике ограничивались лишь анализом возможного взаимодействия с библиотековедением, библиографоведением, информатикой и в некоторой степени с журналистикой и литературоведением. Парадоксальным образом лозунг о многометодности был герметично встроен в книговедение, в котором все эти методы должны были оказаться сами собой, так сказать, «по щучьему велению». Даже проблема общенаучных методов не нашла своего полноценного раскрытия ни в трудах Н. М. Сикорского, И. Е. Баренбаума и А. И. Барсука, ни вообще в позднесоветском и российском книговедении. Построение непротиворечивой и динамичной теоретико-методологической модели по-прежнему является наиболее актуальной задачей науки о книге.

Статичность функционального подхода не позволила авторам также дать ответ на вопрос о соотношении книги с другими средствами коммуникации, а книговедения «с такими современными комплексными науками, как общая теория коммуникации, науковедение, информатика, семиотика» (Ермолаева, 2019, с. 336). Следствием этого стала и неразрешенность проблемы письма, письменности, кодирования информации в новую технологическую эпоху. И. Е. Баренбаум предлагал исключить из системы «книга-читатель» изучение «средств машинной памяти» (Баренбаум, 2023, с. 55), то есть электронных и цифровых текстов, при том что другие системы кодирования (например, неалфавитное письмо) и материальные формы (глиняные дощечки, свитки и др.) рассматривались им в качестве совершенно конвенциональных элементов этой системы. Поэтому И. Е. Баренбаум утверждал, что журналы, газеты, листовки, афиши, плакаты и другие печатные формы – это книга, а непечатные формы книгой быть не могут и, следовательно, научному анализу в рамках книговедения не подлежат (Баренбаум, 2023, с. 56). Исходя из этой логики можно предположить, что развитие книжных форм после появления кодекса и повсеместного распространения печати на бумаге должно было навсегда остановиться.

Важно отметить, что внутренняя логика науки о книге позднесоветского периода продолжила свое развитие и после распада Советского Союза. Вплоть до начала XXI в. научное пространство книговедения по-прежнему было представлено работами классиков: Н. М. Сикорского, А. И. Барсука, И. Е. Баренбаума, Е. Л. Немировского, А. А. Беловицкой – и серьезных альтернатив им, несмотря на ограничения и несоответствие изменившимся реалиям книжного и коммуникационного мира, не возникало.

Выводы

Таким образом, отечественное книговедение на временном отрезке, условно начавшемся в середине 1960-х и завершившемся в 2000-х гг. (а быть может, и несколько позже), характеризуется несколькими разнонаправленными тенденциями:

– реактуализацией научного наследия 1920-х гг. и конъюнктурным инкорпорированием в него элементов марксистско-ленинской философии;

– опорой на идеологические концепты Н. Я. Марра, И. В. Новосадского, П. Н. Беркова

и разработкой проблем коммуникативности книги лишь при помощи анализа ее функционального своеобразия;

– замкнутостью на советских реалиях и очень медленным расширением пространства научных коммуникаций, преимущественно с учеными из Восточной Европы;

– наличием открытой полемики и ярких академических дискуссий на страницах профессиональной печати и одновременно консервацией, «бетонированием» изначально выдвинутых положений каждой из книговедческих школ;

– незавершенностью методологической системы и мозаичностью представлений о научном методе.

Несмотря на такую эклектичную картину, отметим и те достижения позднесоветского книговедения, которые имеют непреходящий характер. К их числу относятся, в первую очередь, заново осуществленная институционализация науки о книге (сохранение в номенклатуре научных специальностей, развитие аспирантуры и научной периодики, становление профессиональных форумов и т. д.) и формирование нескольких вполне завершенных теоретико-методологических концепций (разной эвристической ценности). Не следует также забывать, что Н. М. Сикорский, И. Е. Баренбаум и А. И. Барсук были крупными организаторами науки и профессиональной печати, благодаря их авторитету книговедение не только возродилось из небытия, но и вступило в эпоху бурного развития. Кроме того, важнейшим достижением отдельно взятой функциональной школы стала интеграция в систему книговедения читателеведческой проблематики и, как следствие, признание коммуникационной сущности науки о книге и социодинамики книжного процесса как такового. Последнее обстоятельство следует выделить особо, поскольку оно имеет определяющее значение для дальнейшего плодотворного развития отечественного книговедения.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Вклад авторов

Д. А. Эльяшевич: *обоснование концепции исследования, планирование исследования и формулировка задач; анализ и обобщение данных; написание и редактирование текста рукописи.*

В. А. Мутьев: *обоснование концепции исследования, планирование исследования и формулировка задач; анализ и обобщение данных; написание и редактирование текста рукописи, формулировка выводов, оформление статьи и метаданных в соответствии с требованиями журнала «Библиосфера».*

Список источников / References

Базанов П. Н. Историк книги и книжного дела И. Е. Баренбаум (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 1. С. 164–172 [Bazanov PN (2021) The historian of the book and book business I. E. Barenbaum (on the 100th anniversary of his birth). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 1: 164–172. (In Russ.)].

Бакун Д. Н. Актуализация наследия деятелей книжной культуры (к юбилею Н. М. Сикорского) // Берковские чтения – 2019. Книжная культура в контексте международных контактов : материалы V Междунар. науч. конф. (Пинск, 29–30 мая 2019 г.). Москва, 2019. С. 28–36 [Bakun DN (2019) Actualization of book culture heritage (on the anniversary of N. M. Sikorsky). *Berkovskie chteniya – 2019. Knizhnaya kul'tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Pinsk, 29–30 maya 2019 g.)*. Moscow, pp. 28–36. (In Russ.)].

Бакун Д. Н. Н. М. Сикорский и развитие науки о книге. Москва : Наука, 2008. 26 с. [Bakun DN (2008) N. M. Sikorsky and the development of book science. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Баренбаум И. Е. Абрам Ильич Барсук как книговед и библиографовед // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1989. Сб. 57. С. 134–143 [Barenbaum IE (1989) Abram Ilyich Barsuk as a bibliologist and bibliographer. *Kniga. Issledovanie i materialy*. Moscow, iss. 57, pp. 134–143. (In Russ.)].

Баренбаум И. Е. Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948) // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1973. Сб. 27. С. 189–195 [Barenbaum IE (1973) Mikhail Nikolaevich Kufaev (1888–1948). *Kniga. Issledovanie i materialy*. Moscow, iss. 27, pp. 189–195. (In Russ.)].

Баренбаум И. Е. Проблемы теории и методологии книговедения : сб. избр. работ. Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ин-т культуры, 2023. 372 с. [Barenbaum IE (2023) Problems of the theory and methodology of bibliology: coll. of sel. works. Saint Petersburg: S.-Peterb. gos. in-t kul'tury. (In Russ.)].

Баренбаум И. Е., Крейденко В. С., Леонов В. П. Общенаучные и специальные методы книговедения, библиотековедения, библиографоведения и информатики // Труды Ленинградского государственного

института культуры. Санкт-Петербург, 1982. Т. 68. С. 47–69 [Barenbaum IE, Kreidenko VS and Leonov VP (1982) General scientific and special methods of book science, library science, bibliography and information science. *Trudy Leningradskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury.* Saint Petersburg, vol. 68, pp. 47–69. (In Russ.)].

Библиография. Общий курс / под ред. М. А. Брискмана, А. Д. Эйхенгольца. Москва : Книга, 1969. 560 с. [Briskman MA and Eikhengol'ts AD (eds) (1969) Bibliography. General course. Moscow: Kniga. (In Russ.)].

Варганова Г. В. Научные исследования в библиотечно-информационной сфере: отечественные и зарубежные практики. Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ин-т культуры, 2018. 208 с. [Varganova GV (2018) Scientific research in the library and information sphere: domestic and foreign practices. Saint Petersburg: S.-Peterb. gos. in-t kul'tury. (In Russ.)].

Вохрышева М. Г. Библиография в системе культуры. Самара, 1993. 125 с. [Vokhrysheva MG (1993) Bibliography in the system of culture. Samara. (In Russ.)].

Гучинский М. Г. Гипотеза академика Н. Я. Марра о происхождении и эволюции книги // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Санкт-Петербург, 2000. Т. 151. С. 23–28 [Guchinsky MG (2000) Academician N. Ya. Marr's hypothesis on the origin and evolution of the book. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury.* Saint Petersburg, vol. 151, pp. 23–28. (In Russ.)].

Ермолаева М. А. Н. М. Сикорский и книговедческие форумы // Румянцевские чтения – 2019 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2019. Ч. 3. С. 332–341 [Ermolaeva MA (2019) N. M. Sikorsky and bibliological forums. *Rumyantsevskie chteniya – 2019: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Moscow, pt. 3, pp. 332–341. (In Russ.)].

Калинина И. В. Н. Я. Марр и гуманитарное знание // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 108–115 [Kalinina IV (2011) N. Ya. Marr and humanitarian knowledge. *Observatoriya kul'tury* 2: 108–115. (In Russ.)].

Книга. Исследования и материалы. 100 сборников : справ. материалы, указ. содерж. / сост. Л. И. Фурсенко. Москва : Наука, 2014. 170 с. [Fursenko LI (comp.) (2014) The book. Research and materials. 100 collections: ref. materials, content ind. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Козлов С. В., Лизунова И. В. О медиалогическом понимании концепта «книжная культура» // Библиосфера. 2024. № 1. С. 65–75 [Kozlov SV and Lizunova IV (2024) On the medialogical understanding of the concept of "book culture". *Bibliosfera* 1: 65–75. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-1-65-75

Куфаев М. Н. Избранное: труды по книговедению. Москва : Книга, 1981. 223 с. [Kufaev MN (1981) Selected works on bibliology. Moscow: Kniga. (In Russ.)].

Лаврик О. Л., Калюжная Т. А. Поддержка научных исследований как одно из направлений деятельности научной библиотеки // Библиосфера. 2022. № 1. С. 68–79 [Lavrik OL and Kalyuzhnaya TA (2022) Research support as one of the activities of a scientific library. *Bibliosfera* 1: 68–79. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-1-68-79

Леликова Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2004. 415 с. [Lelikova NK (2004) Formation and development of bibliological and bibliographic sciences in Russia in the 19th – first third of the 20th century. Saint Petersburg: Ros. nats. b-ka. (In Russ.)].

Ловягин А. М. Основы книговедения. Ленинград : Начатки знаний, 1926. 166 с. [Lovyagin AM (1926) Fundamentals of bibliological studies. Leningrad: Nachatki znanii. (In Russ.)].

Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. Москва : Книга, 1972. 327 с. [Lyublinsky VS (1972) Book in the history of human society. Moscow: Kniga. (In Russ.)].

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. 2-е изд. Москва : Гиперборея : Кучково поле, 2007. 462 с. [McLuhan M (2007) Understanding media: the extensions of man. 2nd ed. Moscow: Giperboreya, Kuchkovo pole. (In Russ.)].

Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 3. Язык и общество. Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 423 с. [Marr NYa (1934) Selected works. Vol. 3. Language and society. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo. (In Russ.)].

Мигонь К. Наука о книге: очерк проблематики. Москва : Книга, 1991. 198 с. [Migon' K (1991) Book science: an essay on the problems. Moscow: Kniga. (In Russ.)].

Мутьев В. А., Тургаев А. С. Концепция книговедения М. Н. Куфаева: векторы актуализации в современной науке // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 1. С. 172–178 [Mutev VA and Turgaev AS (2024) M. N. Kufaev's framework of the book science: directions of actualization in modern science. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 1: 172–178. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.30725/2619-0303-2024-1-172-178

Мутьев В. А., Тургаев А. С., Шукшин С. И. Формирование коммуникационной парадигмы книговедения в научном творчестве М. Н. Куфаева // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 2. С. 151–157 [Mutev VA, Turgaev AS and Shukshin SI (2024) Development of the communication paradigm of book science in the scientific work of M. N. Kufaev. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 2: 151–157. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.30725/2619-0303-2024-2-151-157

Новосадский И. В. Против буржуазных теорий в советском книговедении // Красный библиоте-

карь. 1931. № 10. С. 18–26 [Novosadsky IV (1931) Against bourgeois theories in Soviet book studies. *Krasnyi bibliotekar'* 10: 18–26. (In Russ.)].

Обсуждение назревших проблем советского книговедения // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1965. Сб. 11. С. 270–290 [(1965) Discussion of pressing problems of Soviet book studies. *Kniga. Issledovanie i materialy*. Moscow, iss. 11, pp. 270–290. (In Russ.)].

Проблемы общей теории книговедения : сб. статей / под ред. и со. вступ. статьей Е. Л. Немировского. Москва : Книга, 1978. 125 с. [Nemirovsky EL (ed.) (1978) Problems of the general theory of bibliology: coll. of articles. Moscow: Kniga. (In Russ.)].

Редькина Н. С. Моделирование как метод научного познания в библиотековедении. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2016. 126 с. [Redkina NS (2016) Modeling as a method of scientific cognition in library science. Novosibirsk: GPNTB SO RAN. (In Russ.)].

Сидоров А. А. Книга и жизнь: сб. книговедческих работ. Москва : Книга, 1972. 231 с. [Sidorov AA (1972) Book and life: coll. of bibliol. works. Moscow: Kniga. (In Russ.)].

Сикорский Н. М. Книга. Читатель. Библиотека: сб. книговедческих работ. Москва : Книга, 1979. 279 с. [Sikorsky NM (1979) Book. Reader. Library: coll. of bibliol. works. Moscow: Kniga. (In Russ.)].

Сляднева Н. А. Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: опыт системно-деятельностного анализа. Москва : Изд-во МГИК, 1993. 226 с. [Slyadneva NA (1993) Bibliography in the system of the Universe of human activity: an experience of system-activity analysis. Moscow: Izd-vo MGIK. (In Russ.)].

Фокеев В. А. Природа библиографического знания. Москва, 1995. 352 с. [Fokeev VA (1995) The nature of bibliographic knowledge. Moscow. (In Russ.)].

Фокеев В. А. Судьба и кредо библиографоведа (А. И. Барсука) // Библиография. 1998. № 6. С. 83–88 [Fokeev VA (1998) The fate and credo of a bibliographer (A. I. Barsuk). *Bibliografiya* 6: 83–88. (In Russ.)].

Червинский М., Зберский Т. Система книги. Семиотика книги. Москва : Книга, 1981. 128 с. [Chervinsky M and Zbersky T (1981) Book system. Semiotics of the book. Moscow: Kniga. (In Russ.)].

Эльяшевич Д. А. Иосиф Евсеевич Баренбаум – книговед: к 100-летию со дня рождения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Санкт-Петербург, 2020. Т. 220. С. 7–16 [Elyashevich DA (2020) Iosif Evseevich Barenbaum – bibliologist: on the 100th anniversary of his birth. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Saint Petersburg, vol. 220, pp. 7–16. (In Russ.)].

Эльяшевич Д. А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Санкт-Петербург, 2018. Т. 217. С. 55–81 [Elyashevich DA (2018) Bibliology: life after death. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Saint Petersburg, vol. 217, pp. 55–81. (In Russ.)].

Эльяшевич Д. А. О «ренессансе библиологии», книговедении и не только // Потенциал библиотеки в современном мире: трансформации, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Самара, 2021. С. 117–126 [Elyashevich DA (2021) «Renaissance of bibliology», book studies and more. *Potentsial biblioteki v sovremennom mire: transformatsii, perspektivy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Samara, pp. 117–126. (In Russ.)].

Эльяшевич Д. А. Чтение и читатель как объекты изучения // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2, № 1. С. 40–44 [Elyashevich DA (2024) Reading and the reader as objects of study. *Kniga. Chtenie. Mediasreda* 2 (1): 40–44. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.20913/BRM-2-1-4

Эльяшевич Д. А., Иконникова И. Ю. Историко-книжное наследие преподавателей кафедры общей библиографии и книговедения ЛГИК им. Н. К. Крупской // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 3. С. 162–168 [Elyashevich DA and Ikonnikova IYu (2024) Heritage in the field of book history of the teachers of the Department of General Bibliography and Bibliology of the Leningrad State University of Culture named after N. K. Krupskaya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 3: 162–168. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.30725/2619-0303-2024-3-162-168

Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Магистерский учебник по книговедению: основные проблемы и перспективы подготовки // Библиосфера. 2022. № 3. С. 5–16 [Elyashevich DA and Mutev VA (2022) Master's textbook on book studies: basic problems and prospects of preparation. *Bibliosfera* 3: 5–16. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-3-5-16

Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53 [Elyashevich DA and Mutev VA (2021) New book science: a look into the future. *Bibliosfera* 1: 43–53. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-1-43-53

Eisenstein EL (1979) The printing press as an agent of change: communications and cultural transformations in early modern Europe. In 2 vols. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Maceviciute E and Janonis O (2004) Conceptions of bibliography in the Russian Federation: The Russian phenomenon of bibliographic theory. *Libri: International Journal of Libraries and Information Studies* 54 (1): 30–42. DOI: https://doi.org/10.1515/LIBR.2004.30